

The background of the cover is a dark, textured illustration. It depicts a devil-like creature with horns and glowing orange eyes, wearing a light-colored shirt. The creature is holding a lit match in its right hand, with a small flame visible. The overall color palette is dark and moody, with shades of brown, black, and orange.

16+

Заврин Даниил

АД

Сборник рассказов

Даниил Заврин
Ад. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Заврин Д. Н.

Ад. Сборник рассказов / Д. Н. Заврин — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-04073-1

Серия коротких рассказов в жанре нуар. Вторая книга. Иллюстратор Борис
Грох.

ISBN 978-5-532-04073-1

© Заврин Д. Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Бомж, парк и	5
Ад	7
Допрос	10
Душевный ожог	11
Белый конь.	13
Глава первая	13
Глава вторая	15
Глава третья	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Бомж, парк и звезды

Из того, что Федор Михайлович видел в своей жизни, больше всего его привлекали звезды. Далекое, яркое, как тысячи белых мотыльков, усевшихся на черную дивную скатерть. Он аккуратно подпер небритую щеку, очень хотелось спать, холод в эту ночь чувствовался особенно. Затем шаги, хрустящие, спокойные. Это была молодая пара, невеста как попавшая в ночной парк. Он улыбнулся. Любовь... Он всегда ценил это чувство.

Они шли, улыбались. Она была высокая, стройная. С изумительными по красоте волосами, спадавшими чуть ниже плеч. Яркая, особенная личность. И это можно было заметить даже с далекого расстояния. Федор Михайлович повидал за свою жизнь немало девушек, и эта была как раз из их числа.

Он наклонился и достал бутылку. Холодная, она едва не выскользнула из его пальцев. Да, с ней сложно, надо приноровиться и лишь потом аккуратно брать в руки. Иначе можно уронить и уже ничего не сможет вернуть этот бесценный алкогольный нектар. Он приник к бутылке и, отпив, вытер вонючим рукавом рот. Или не вонючим? Сложно сказать точно, если уже несколько лет живешь на улице. Лучше – дурно пахнушим. Как-никак он был профессором университета и преподавал литературу. Только это было давно. Очень давно.

Он снова посмотрел на влюбленных. Он любил рассматривать людей. Даже научился смотреть так, что они этого почти не замечали. Кому приятно, когда тебя рассматривает какой-то бомж. Но у Федора Михайловича это получалось. И вот старик снова видит этого юношу, уделяя в этот раз основное внимание ему.

Высокий, статный. В черном, непонятно где купленном, берете. Он иногда поднимает руку и что-то рисует в воздухе, обводя черной перчаткой странные узоры. Девушка держится за его руку и смеется. Её волшебный смех освещает этот мрачный черный парк. Словно ручеек из звенящего золота, он распространяется по мощеным дорожкам, разливаясь в разные стороны. Боже, как же это прекрасно!

Федор Михайлович снова касается бутылки. Там осталось совсем немного, но до того момента, как они подойдут, он обязательно должен выпить ещё. Ведь при них ему не позволит его воспитание, а после... После не стоит, ибо это признание своей никчемности. Да-да, он ещё борется с ней. Даже иногда сдает бутылки. Впрочем, этих денег всё равно не хватает на ремонт этого дырявого пуховика, а ведь впереди ещё продолжительная зима. И её обещали холодной.

Брезгливый взгляд. Куда без него. Но это простительно, они молодые. У них вся жизнь впереди. Куда им смотреть на полуразрушенную пьяную старость, скорчившуюся на скамейке в надежде сохранить последнее тепло. Это простительно.

Но они остановились. Девушка остановилась. А, следовательно, и молодой человек. Они смотрят на него. Их глаза полны печали. Особенно хорошо это получается у изящной белокурой красавицы, чьи тонкие пальцы даже в черных перчатках кажутся самыми изящными пальцами на земле.

Федор Михайлович улыбается. Ему приятно. Жалость, да. Но всё равно. Ведь они одни в этом парке. И внимание, пусть даже такое, не является чем-то плохим. Затем она снова тянет молодого человека за руку, и они подходят ближе, ближе, под свет фонарного столба, прямо к нему, абсолютно не гнушаясь его мерзкой сущности, ближе и ближе.

Сердце, оно немного сжимается. Как? Зачем? Не стоит, идите, ангельские дети, идите прочь. Что вам до пьяного одинокого старика, невеста как забравшегося в это холодное мрачное место? Идите, наслаждайтесь своей любовью, почувствуйте её небесный дар.

– Пойдем, не стоит обращать на него внимания, – слышит он через несколько секунд мужской голос.

– Нет, ему плохо. Ему надо помочь, – отвечает девушка. – Ему, наверное, очень плохо.

Федор Михайлович открывает глаза. Он хочет сказать спасибо. Но при свете фонаря всё становится на свои места. И он, уже не стесняясь, достает бутылку из-под скамейки. Зачем стесняться себя? Своей рано умершей жены, чьи белокурые волосы так поразили его двадцать лет назад в этом прекрасном парке. Он тогда рассказывал ей о воздушных шарах, так поразивших молодого Михаила на фестивале воздухоплавания в Петербурге, и куда он обещал её свозить.

Федор Михайлович чувствует, как становится душно, он расстёгивает пуговицы на пуховике. Жарко, слишком жарко для старого тела. А всё потому, что прошлое снова без спроса врывается в его жизнь, издеваясь над беспомощным старцем. Он привычно касается бутылки и смотрит на небо, чувствуя, как холод медленно проникает под его одежду. Нет, как же всё-таки они прекрасны. Эти далекие, далекие звезды.

Ад

Последнее, что видел Виктор Петрович Березкин, лежа в больнице, – это вытянувшееся лицо толстой медсестры, судорожно схватившейся за капельницу и случайно её оборвавшей. И всё, на этом всё. Дальше он отключился, очутившись на несколько секунд в небытии. Правда, слава богу, это было недолго, и буквально через несколько секунд он оказался за высоким металлическим столом, в той же полосатой пижаме, в которой его и упекли в больницу.

Встряхнув головой, Виктор зажмурился, пытаясь прогнать столь ужасное видение, но, увы, помещение не исчезло, а даже наоборот, прибавило в интерьере. Так напротив появился немолодой мужчина в чистой, но слегка помятой белой рубашке, небрежно открывавшей его крепкую, загорелую шею.

Заметив, что Виктор Петрович удивленно смотрит ему в глаза, молодой человек улыбнулся и, покосившись на слегка окровавленный бок, аккуратно вытащил неизвестно откуда появившееся полотенце.

– Пора эту медсестру, Таисию Петровну, уже уволить. Смотрите, как она вам стеклом бок задела, ну, когда капельницу ухватила, – тихо сказал он, указывая на причину его беспокойства. – Впрочем, бывало, конечно, и похуже.

– Спасибо, – отрешенно ответил Виктор, прикладывая полотенце к боку.

– Не возражаете, я закурю? Ненавижу, знаете ли, начинать без сигаретки. У нас тут ведь порой и некурящие встречаются. Так что, видит бог, я каждому курильщику рад, – с довольной улыбкой сказал брюнет и, вытащив из кармана пачку сигарет, прикурил одну из них. – Какой же кайф. Хотите затянуться?

– Нет, спасибо. Жена хотела, чтобы я бросил. Так что...

– А ещё она хотела съездить в Прагу с любовником. И это тоже (уже) нельзя назвать полезной идеей.

– С любовником? – недоумевающе посмотрел на брюнета Березкин. Теперь он заострил на нём куда больше внимания, разглядев и длинные красивые брови, и странно изогнутый кверху рот. – Вы вообще кто? Вы из ФСБ?

– Нет, – спокойно сказал мужчина и, откинувшись на стуле, похрустел затекшей шеей. – Я не из ФСБ.

– А кто вы?

– Видите ли, Березкин, учитывая, что сердечный приступ вам больше не грозит, я, пожалуй, отвечу вам сразу и честно. Как-никак, именно этой стратегией вы блистали, занимаясь контрафактом с вашими китайскими деловыми партнёрами. Я, собственно говоря, чёрт.

– Кто? Чёрт? – Виктор Петрович впервые за всё время позволил себе улыбнуться.

– Эх, всё по новой, – с грустью сказал брюнет и, резко подняв руку, лихо сдернул кожу с головы. Под ней оказался черный, полностью покрытый черной шерстью козёл.

– Как видите, всё весьма натурально.

– Боже, боже, нет! Ааа!!! – закричал, пытаясь обхватить лицо, Березкин, но это у него не получилось, так как ни руки, ни ноги его не слушались. Более того, он даже не смог закрыть глаза.

– Зря вы так, – возвращая кожу на прежнее место, заявил брюнет. – Просто я устал от длинных монологов – они неэффективны.

– Где я? – испуганно сказал Виктор Петрович, вжимаясь в кресло.

– Как где? – удивился чёрт. – В аду, конечно. Вы же грешник. Вы много грешили и попали к нам.

– И что теперь?

– Ну, сначала официальная часть, а потом, собственно, типичные будни. У нас почти всё тоже самое, что и у вас там, на земле. С той лишь разницей, что теперь уж точно навсегда, – улыбнулся брюнет, явно радуясь налаживанию общения.

– Вы будете меня, эм, – Виктор Петрович всё не мог подобрать правильного слова, а точнее, он его знал, но не мог произнести. Ему казалось, что стоит его назвать, как чёрт тут же хватится за него и начнёт свои адские процедуры.

– Пытать? – улыбнулся брюнет, и кривая сторона его рта поползла вверх.

– Да, – тихо ответил Виктор Петрович и снова вжался в кресло.

– Ну, это всё преувеличения. Это, знаете ли, церковь на нас наговаривает, у нас здесь всё несколько иначе.

– В смысле – иначе? Вы не пытаете?

– С вашего позволения, – сказал чёрт и вытащил ещё одну сигарету. – Знаете, я никогда не устаю от этого момента. Мне кажется, что это самый лучший момент в моей работе.

– Курение?

– И оно тоже, но больше – объяснение нашей работы, – чёрт притушил окурок. – Видите ли, мы никого, в вашем понимании, не мучаем. Вот смотрите, чем бы вы занимались, попади вы в рай?

– Ну, не знаю, ходил бы, дышал, играл.

– Насколько я понимаю, вы не знаете, чем бы там занимались?

При этих словах Виктор Петрович почувствовал, как по его спине потекла небольшая струйка пота, и что он попадает в какую-то хитрую ловушку, навязанную ему, во-первых, под давлением и страхом, а во-вторых, просто оттого, что он болен и не может правильно соображать. И, тем не менее, сдаваться он не собирался.

– Вечным блаженством.

– Ого как! И что же это конкретно для вас? Ведь, насколько мне известно, блаженство вы испытывали, откровенно бухая и изменяя своей любимой жене. Именно это вы подразумеваете под блаженством? Ведь так?

Виктор Петрович снова почувствовал, как пот стекает уже к пояснице. Медленно пробираясь по толстому слою жира в трусы, где продолжал доставлять беспокойство. Чёрт тем временем лишь поглядывал на отлично отполированный ботинок, носком которого он игриво махал из стороны в сторону, явно дожидаясь ответа на поставленный вопрос.

– Нет, почему так. Я бы слушал музыку, общался, ходил.

– Стало быть, ни секса, ни алкоголя, ни отвратных стриптизерш с вульгарным кружевным нарядом. Я вас правильно понимаю? – ехидно спросил брюнет, всё также не сводя взгляда со своего черного ботинка.

– Да.

– Ах, как всё старо, что же вы мне все лжете, ну хоть бы раз кто-то сказал правду, – задумчиво бросил брюнет, наконец отвлекаясь от носка. – Итак, дело в том, что ничего этого вы бы не делали, так как всю сознательную жизнь стремились к разврату и пьянке (пьянству). И ничего кроме них не желали. Ну да бог с ним.

– Вы сказали – Бог?

– Ну да, а что такого? У нас тут не тюрьма, можно говорить всё, что угодно, ну в рамках приличного, разумеется. Всё же это ад, а не ваша земная богадельня, – хмыкнул брюнет, раскрывая толстую папку, непонятно как очутившуюся у него в руках – Итак, что у нас тут. В общем, убийств вы не совершали, так – воровство, обман, прелюбодеяния, всё в рамках первой погрешности. А стало быть, в ней вы и останетесь.

– В смысле, останусь?

– Уважаемый Виктор Петрович. Ад – это не то место, что вы привыкли изображать себе в книгах и фильмах. Мы здесь не пытаем людей сковородками и не жарим их на кострах, разве

что в отдельных случаях, но вас они не касаются, так как вы не мазохист. Как вы изволили понять, в раю вам делать абсолютно нечего даже при всем вашем желании, так как там нет ни проституток, ни алкоголя, от которых у вас столько радости. Им это по статусу не положено, поэтому всё перешло в наши ряды. Формально они вообще этого не держат.

– Вы что, хотите мне дать алкоголь и женщин?

– Да. Впрочем если вы предпочитаете что-то ещё, то можно и добавить.

– Подождите, вы не лжете?

– Обижаете, у нас с этим строго. Да и времени нет. Загруженность грешниками крайне велика. Это в раю все отдыхают. Как вы изволили выразиться, ходят, думают, возможно, даже поют. Мы их мало касаемся, блаженных.

– Но вечные муки...

– Вот теперь я точно удивлен, обычно таких вопросов не задают. Нет, Виктор Петрович, никому вы со своими пытками не нужны. В том, что мы держим грешников, согласен, на то мы и ад. Но формально задача с раем у нас одна. Только там люди, которые сумели обойтись в наслаждении без семи смертных грехов, у нас же те, кто не сумел. Отсюда и разница, всё крайне просто. Пытки же – это человеческое больное воображение. Да вы помилуйте, кому же нужны эти пытки? Ради чего? Совершенно глупое занятие. Вы же не тупой человек, зачем все эти экзекуции. Фу, право.

– Стало быть, сейчас я отправлюсь заниматься алкоголем и развратом?

– Да. И так – вечность. Разврат, пьянство – все, что вы любите. Вы же грешник, вот этим и будете заниматься в нашем грешном ведомстве.

– Выходит, никакого наказания не существует?

– Ну, как вам сказать, – тихо сказал брjunет, поднимаясь из-за стола. – Формально это и есть ваше наказание.

Допрос

Антон вытер кровь с рук. Ад. Все это напоминало медленный спуск в ад, когда, шаг за шагом, ты всё глубже и глубже спускаешься по винтовой лестнице вниз. Или, правильнее сказать, по круговой. По дантовской, всё ближе и ближе приближаясь ко дну. Он посмотрел на старика. Разбитое в кровь лицо, трясущиеся руки. Дед всё ещё держался и никак не хотел сознаваться в содеянном.

А зря. Зря он так. Это лишь усилит желание выбить правду. Причем отнюдь не добрым способом. Это раньше он был примерным ментом, работающим лишь по уставу. Теперь же, при виде всех этих истерзанных детских судеб, он просто не может жить по тому кодексу, который с самого детства вдалбливал ему отец.

Антон! Это – правильно. Это – не правильно. Ты должен все делать как надо. Защищать слабых, не обижать младших. Помогать старикам, женщинам и детям. Что ж, теперь отчасти всё так и есть, только сегодня один закон он всё же переступит. Или, правильной сказать, правило.

Антон отошёл к грязной раковине и включил кран. Ему хотелось умыться. Он сильно избил деда, теперь хотелось смыть весь выступивший пот, смочивший не только шею, лицо, но даже воротник. В подвале вообще было жарковато. Но зато тихо, спокойно, никто не мешал.

Холодная пахучая вода. словно все дерьмо этого города лилось через их канализацию. Он подставил руки. Кровь смывалась неохотно, она порядком успела загустеть. Дед оказался чертовски упертым. Все никак не осознавал своего положения. Думает, всё сойдет ему с рук, избежит наказания. Чертов педофил.

Он развернулся. Да, признание. Только оно имеет цену в этот вечер. Только оно. И это надо добыть его сейчас, когда ещё есть время или когда ещё никто не прознал о случившемся. Он ведь поймал его случайно. Совершенно. Начальству нельзя докладывать об этом. Оно сразу прибежит и начнёт всячески мешать. Нет, он должен сделать это именно сейчас и сам.

Удар. Затем ещё. Ублюдок начинает харкать кровью, но всё ещё держится. Жаль, он никогда раньше не пытал людей, не мучал их, не заставлял признаваться в содеянном. Ведь он всегда был поборником устава. И сам всегда мешал своим коллегам измываться над людьми. Будь то бывший наркоман или мигрант со стройки. Он всегда был правильным полицейским.

Но не сегодня. Антон обхватил мерзкое лицо двумя руками и с силой сжал его. Плохо понимающий педофил скривился от боли. И от страха. Но так и не заговорил. Антон надавил на глаза. Неужели придётся продолжать это до бесконечности. Что там на очереди? Пакет? Кажется, так делают неправильные менты.

Проходит ещё несколько минут. Потом ещё. Кажется, что слова признания просто застревают в горле, что их можно взять и вытащить, стоит лишь ещё надавить на изможденное кровавое тело. Но пока напрасно. Пока все напрасно. Он так же молчит. Грязная, скотская, извращенная тварь. Как же ты уперт! Как это злит. Главное – не забить до смерти. Главное – сдержаться. Отец всегда говорил, что гнев – самый главный враг полицейского. А отец был лучшим ментом из всех, кого он знал.

Антон снял пакет. Задыхающийся преступник, наконец, поймал тот самый страх, который так часто развязывает языки. Все. Теперь он его. Весь. Абсолютно весь. Никто теперь не сможет забрать у него этого педофила, растлителя маленьких душ. Сколько их там было, пять? Шесть? Эх, теперь это все будет зафиксировано куда точнее. Завтра его поведут на следственный эксперимент. Или даже не завтра. Надо ведь, чтобы всё это зажило.

Антон поднимает с пола ручку. Берет листок. Протягивает его своему отцу. «Ты должен написать всё правильно, папа. Как всё происходило на самом деле. Всё так, как ты случайно обронил во сне, когда вчера пришел без чувств и завалился спать».

Душевный ожог

Федор посмотрел на врача. Он, наверное, выглядел для него стандартно, как и многие другие, которым этот пожилой человек сообщал подобную новость. Спокойно, уверенно, с пониманием. Федор снова посмотрел на бумажку. Положительный, положительный результат.

– И что теперь? – он поднял глаза, словно этот вопрос мог помочь. – Что делать?

– Есть разные методики, – задумчиво проговорил доктор. – Но я вам не советую сейчас углубляться в это, пока переварите все. Поверьте, моему большому опыту и постарайтесь выждать несколько дней. Так лучше. А главное – сообщите всем, с кем контактировали, что заражены. Это необходимо. А у вас часто случается незащищенный секс?

– Нет. Не часто, – Федор посмотрел на бумажку.

– Если без презерватива, то нет. Все вышло спонтанно. Я решил, что так будет лучше, – несколько спутано ответил он. – Но я вас понял, я знаю, кого нужно предупредить.

– Приходите ко мне через несколько дней, я вам подробно расскажу о лечении. А пока – отдыхайте. Это сложная правда и, признаться честно, вы переносите её стойко.

– Спасибо, доктор.

Он посмотрел на этого пожилого суховатого седого доктора, которому и без болезней, судя по всему, недолго осталось на этом свете. И все же, улыбался он красиво. Федор поднялся и протянул руку, тот смело пожал её. Храбрый, несомненно, храбрый человек.

Холодно, мрачно, ночь уже все быстрее и стремительнее побеждала свет, заменяя природную световую гамму на дешевый электрический аналог. Ну и ладно. Может, так и лучше. Все равно ему теперь недолго осталось. Сколько с этим живут? Год? Два? Три?

Он поежился и, плотнее укутавшись в пальто, спустился по ступенькам вниз. Любовь, страсть, мечта... Все это было словно искрой в его потухшем сознании. И пусть даже он не хотел сейчас обо всём этом думать, все равно обескровленный ужасной новостью разум цеплялся за этот недавний вечер, когда они были вместе.

Всегда осторожный, предохраняющийся, он просто поддался порыву, эмоциям, страстной истерии, когда, нежно обняв её, поцеловал и прижал к себе. И вот – расплата. За доверие, за желание быть ближе к малознакомому человеку.

Федор вздохнул и огляделся по сторонам. Он знал, куда его сейчас несет и, по-хорошему, это было не совсем разумно, но, увы, ничего не мог с собой поделаться. Он очень хотел увидеть её снова. Посмотреть в глаза, узнать причину столь странного поступка. Она ведь знала, знала, что больна. И не сказала.

А тем временем пошел снег. Рыхлый, крупный. Он вспомнил, как такой же пушистый снег касался волос Ирины. Как, попав под влияние этого озорного природного мальчишки, она преобразилась. Как преобразился он.

Федор обошел дом и сел на лавку. Нет. Только глаза в глаза, только так он сможет получить свой ответ. Понять причину. Ведь он столько отдал ей. А она, она его убила! Она ведь знала, знала про свою болезнь.

Прошел час. Затем ещё. Пока, наконец, он не увидел её, вынырнувшую из темного дворового перехода. Поздно. Она всегда возвращалась поздно, попадая под освещенные участки улицы. Какое лицемерие, какое отвратительное двуличие в этой игре незащищенного женского мира.

Федор поднялся. Когда они впервые встретились, она также была в этом черном пальто. Только вела себя несколько иначе. Была смелее. Интереснее. А теперь, теперь он видит, что это за человек, что это за женщина.

Но сердце или, правильнее сказать, разум все равно ещё показывали её в непривычно приятном свете. Все те же изящные изгибы, те же нежные кисти рук, даже в одежде она всё ещё

оставалась привлекательной. Красивой. И даже немного волшебной. Он ускорился. Осталось совсем чуть-чуть, прежде чем он узнает всю правду.

Наконец он догнал её. Как и всегда – легко, играючи, непринужденно. Только в этот раз она обернулась и, увидев насильника снова, закричала, несколько изменив привычный ход любовной игры.

Белый конь.

Глава первая

Слушая Сашу, я невольно смотрел только в её глаза. Большие, полные недостижимой для меня глубины, они неизменно притягивали своей очаровательностью и красотой. К тому же они были зеленые, а с зеленых глаз я вообще с ума сходил. Она приходила уже второй день, постоянно повторяя мне одну и ту же историю. Поднявшись из-за стола, я устало посмотрел на дорогу, уводящую в лес. Где-то там по её словам пропал её муж. Как же всё это нелепо. Что касается меня, то я был на сто процентов уверен, что ему дали по голове гастробайтеры, бесчисленно снующие вдоль трассы. Но выслушать страдающую от горя подругу, а теперь ещё и вдову, я считал своим долгом. Ведь друг у неё всё равно не было.

Итак, по порядку. Её муж Виталий, порядком подсевший на жирную пищу, всё-таки сумел перебороть свою лень и взяться за пробежки. Первое время он, конечно, сильно мучился, но затем, когда освоился со столь необходимыми ему километрами, стал бегать всё чаще и чаще.

Постепенно вошел во вкус, стал читать спортивную литературу, где узнал, что предпочтительнее бегать по грунту, а не по асфальту, что и привело бедолагу в лес, где он пропал. Всё вроде бы крайне обыденно, сколько таких случаев, если бы не одно но – перед тем как пропасть, он целую неделю твердил о странном белом коне, постоянно мерещащимся ему среди темной зелени.

Что ж, это действительно грустно, хотя с другой стороны, что поделать, если у человека такая карма, не умрет под машиной, так умрет в лесу. Да и мне никогда этот Виталий и не нравился. Так, среднестатистический везунчик.

Сзади послышался плеск воды. Саша понемногу отошла от переживаний и, убрав посуду в раковину, начала её мыть. Она знала, что я живу один и извечная проблема моего жилья – это горы невымытой посуды. Какая всё-таки она молодец. Красивая, умная, аккуратная. Привыкшая к чистоплотности.

Был ли я в неё влюблен? Конечно да. С девятого класса. Уже там, придя к нам новенькой, она полностью овладела моими мыслями и не давала мне покою. А затем она встретила первого ухажера, через два года второго и наконец, третьего, в лице этого жирного Виталика. Поэтому, я думаю, глупо было бы мне особо переживать из-за того, что этот парень пропал в лесу. Туда ему и дорога, хоть с конем, хоть без коня.

– В полиции мне сказали, что пока тела не найдут, он считается пропавшим без вести – грустно сказала она.

– Ну да. Так они и говорят – я подошёл к ней и обнял её за плечи – постарайся быть сильной.

Не знаю, нравился ли я ей когда-либо или она просто немного сошла с ума после пережитого, или это просто странный посыл из космоса в её голову, но она не стала отгонять меня. Она лишь сжалась и, повернувшись ко мне, ещё раз увлекла в свой мир изумительно красивых зеленых глаз. Где мы и остались, на определенное время вдвоем. Ну, вы понимаете, о чём я.

Затем, после этой встречи прошла неделя. Она старательно избегала меня, да и я особо не рвался попадаться ей на глаза, всё-таки то, что произошло между нами тогда, нельзя назвать самым хорошим делом. Чтобы немного отвлечься от этих мыслей и наверно хоть как-то помочь бедной вдове, я решил пройтись по тем самым местам, где так старательно бегал её муж.

Первый раз эта была суббота, такой, знаете ли, прекрасный летний день, когда в квартире жарко, а на улице сплошная благодать, поют птички и солнце неизменно отступает от приятной

древесной тени. Перейдя по наземному переходу, я неспешно направился вдоль дороги, ведущей к лесу, возле которого я хоть и прожил десять лет, но который я ещё ни разу не посетил – так, лишь вечером из дальнего окна разглядывал.

Пройдя около сотни метров, я увидел первый поворот в сторону леса. Свернув, я пошёл вдоль небольшого поля с грядками, огороженного металлическим забором. Как я и предполагал, здесь работали либо киргизы, либо узбеки, заботливо оберегаемые новоиспеченными плантаторами-армянами, несколько раз проезжавшими мимо меня на неплохих машинах. Тогда я даже подумал, что именно они и положили конец пробежкам коротконового Витальки. А ещё то, что осталось потерпеть совсем немного, прежде чем Саша окончательно станет мое. В её состоянии особого труда мне не предоставит переманить её к себе, к тому же у меня была квартира, и она была куда лучше, чем та, в которой она жила, ведь это собственность матери её супруга, которая приехала через пару недель.

С такими мыслями я снова подошёл к повороту, который теперь уже уводил к дальним железным воротам, возле которых стояло несколько человек в рабочей одежде. Видимо, это были труженики сельхоз труда, временно отдыхающие во время обеденного перерыва. Ещё был путь к садовым невысоким деревьям, вдоль которых были следы от машин.

Садовые деревья. «Что ж, пусть так» – пришло мне тогда в голову, и я пошёл между двух следов от колёс грузовика. А затем я увидел её. Необычайно красивую рыжеволосую девушку. Вокруг которой делал круги белый жеребец, время от времени взмахивающий своей гривой. Жеребец был настолько мощный, что казалось, он в три раза превосходил по габаритам девушку. Поначалу мне показалось, что это наваждение и я попросту говоря, переутомился, но переждав пару минут, я понял, что всё наяву и девушка действительно выгуливает животное.

Странно, но я не знал, что рядом с нами есть конюшня, хотя, признаюсь, девушки по району на коняшках ездили, предлагая проехаться за тысячу или пятьсот рублей. Только те коняшки не шли ни в какое сравнение с этим красавцем, столь резво прыгающим вокруг этой изумительной девушки.

Наконец она меня заметила и, на несколько секунд смутившись, отвела взгляд в сторону. Но этого было вполне достаточно, чтобы сместить Сашу и бодро встать на её место. Ведь она была рыжая, даже правильнее сказать огненная, так как волосы излучали поистине адский огонь.

Сделав пару шагов, я хотел было подойти к ней поближе, но жеребец, только что не испытывавший в мою сторону ровного никакого беспокойства, вдруг заржал, и чуть было не снес меня с ног, остановившись буквально в двух метрах. Глаза коня горели огнем, и он едва не вставал на дыбы, буравя меня своим ненавидящим взглядом.

Отшатнувшись, я посмотрел на девушку. Она молча наблюдала за картиной, даже не пытаясь остановить свое животное. А затем она ушла, оставив меня посреди фруктовых деревьев, полного новых мыслей относительно судьбы Виталия.

Оказывается, конь действительно есть. Разве что не один, а с наездницей. Но, тем не менее, он существует, и всё, что говорил Виталий – вовсе не выдумка, а реально существующий факт. Но, будучи человеком здравомыслящим и хладнокровным, я решил не гнать события вперед, а вернуться домой и ещё раз, спокойно, уже без сарказма выслушать Сашин рассказ. От начала и до конца.

Глава вторая

За неделю Саша немного оправилась, даже стала улыбаться. Мне всегда нравилась её улыбка, но теперь она была просто превосходна. Не знаю, может потому что её украшала свобода. Милиция, её как и меня, беспокоила всё меньше и меньше – видимо проблем у них и так хватало, хотя, не скрою, регулярно названивающая мать Виталия приносила мелкие неприятности.

Напросившись к ней на чай, я смотрел, как кубик сахара медленно растворяется в горячем, коричневом напитке. Саша стояла ко мне спиной. Хрупкая, нежная, она была похожа на ангела, который так глупо растратил свое лучшее время.

Наконец она села рядом. Теперь уже немного более спокойная и как я уже говорил ранее, -улыбчивая. Разговор пошёл плавно, словно мы оба к нему долго готовились. Сначала вежливо поинтересовавшись о моих делах, она переключилась на погоду, затем на пару подружек. Я не торопил, я знал что то, что произошло между нами в тот раз, требует времени, нельзя просто так взять и пропустить такое.

Наверно это как в пословице – «На пепле выжженной земли прорастает новый росток». Впрочем, я отвлекся, несмотря на симпатию, мне действительно было интересно узнать про историю с жеребцом. И прослушав много воды, я деликатно спросил об этом. И как я не стараясь, подойти к этому моменту мягче, она всё же вздрогнула.

– Как я уже говорила, это было месяц назад, теперь уже месяц. Он пришел и случайно обронил, что видел лошадь или коня, да, белого коня, который едва его не сбил или не убил. Я точно не помню, я была занята. В общем да, кажется, тогда он впервые заговорил об этом.

– Только о коне?

– Да. Только о нем. Сказал, что встретил его в лесу. Я ещё спросила, что может не стоит бегать там, где водятся такие крупные животные, ну и ещё спросила, с кем он был.

– Конь?

– Да, должен же быть у него наездник.

– И что ответил Виталик?

– Что-то пробормотал про мужчину, невысокого.

Я заметил, что она как-то отстранённо смотрит в окно. Мне снова захотелось её обнять и прижать к себе. Но я переборол это чувство и продолжил задавать вопросы.

– А потом? Что потом?

– Потом он всё чаще и чаще стал упоминать о лошади, а потом вдруг перестал. Стал немного замкнутым, стал всё чаще и чаще делать свои пробежки. Поначалу он говорил, что так надо, что это увеличит его спортивные результаты, но потом я заметила, как он выдыхается, что это стало какой-то странной навязчивой идеей.

– За месяц? Всё это произошло за один месяц?

– Я о том же. Слишком маленький интервал для того, чтобы начать бегать каждый день. Мне так даже подруга-тренер из фитнес центра сказала. Мол, он себе все колени изуродует. А потом он пропал.

– Действительно очень странно. И ты в тот вечер вызвала полицию?

– Нет, я уснула. Он предпочитал бегать в тёмное время. Приходил к семи и как поест, шёл на свою пробежку.

– Понятно.

Итак, получалось, что Виталий не желал, чтобы Саша знала о девушке, которая, по-видимому, и является обладательницей лошади. Стало быть, ничто не мешает мне наведаться на конюшню и там уже поинтересоваться о судьбе моего товарища. Заодно познакомиться с

рыжей красавицей, столь ярко выступившей при нашей первой встрече, и, как мне показалось, не желавшей знакомиться.

Всё это, – несомненно, авантюра, но ведь моя жизнь сера и скудна. Да, у меня появилась возможность переспать с Сашей и, возможно, на ней жениться, но ведь то, что я схожу на конюшню – никак этому не помешает, – не убьют же меня за это. Разве что там могли побывать следователи, которые точно также могли расковырять этот след.

Но, к моему удивлению, на конюшню никто кроме меня заходил. Об этом я узнал у деда, выполнявшего роль то ли сторожа, то ли местного плотника. О конюшне он рассказывал очень охотно, видимо слушателей у него было немного, ровно, как и оставшихся зубов. Рыжую я также увидел – она возилась с гнедой лошастью, которую снаряжали для зарабатывания денег в городе. Она заметила меня сразу, только подходить не стала, держась поодаль и внимательно вслушиваясь в мой разговор с дедом.

Наконец, она не выдержала и подошла, что позволило мне рассмотреть её во всём великолепии, так как видел я не очень хорошо. Рыжая, немного приукрашенная веснушками, она обладала воистину потрясающей красотой и очень манящими глазами. Зелеными, можно сказать изумрудными, я даже не стал вглядываться в фигуру – настолько ярко выступало её лицо.

– Что вы хотите узнать? Цены на прогулки? – сердито спросила она, отстраняя от меня разговорившегося старичка.

– Цены, можно и цены – послушно сказал я, не пытаясь сопротивляться её напору.

– Полторы за час.

– Немного. А на какой лошади?

– Гнедой и вот той, черной – указала она на еле живую кобылицу.

– Мне бы белого, которого я видел совсем недавно, а то, простите, эти какие-то еле живые.

– Белый конь мой. На нём ездить нельзя – отрезала рыжая.

– Вадим.

– Что?

– Меня зовут Вадим. Для подобных резких разговоров лучше называть меня по имени – улыбнулся я, вглядываясь в её глаза. Удивительно, но такой подход несколько смягчил её, и сквозь жесткий взгляд показалось тепло.

– Елена.

– Очень приятно, Елена. А не могли бы вы хотя бы показать мне, как надо ездить на лошади, пусть и на вашей? Я не так часто вижу красивую езду, которую, я уверен, увижу в вашем исполнении.

Немного помолчав, она кивнула.

И после этого я увидел, как она управляется с этим здоровенным, мощным жеребцом, грудь которого в несколько раз превышала любую другую из конюшни. Лихо, резво, так что конь едва не падал от усталости, сделав несколько десятков кругов. По импульсивности они оба подходили друг другу. Но не это было самым удивительным. Цепочка, висевшая на шее Елены, показалась мне до боли знакомой, кажется, точно такую я видел у Саши.

Глава третья

Если Александра была раненной ласточкой, то Елена самой настоящей львицей. Стремительная, вольная, свободная – она могла надыхаться только ветром, переполнявшим её во время её прогулок. Я видел это по лицу, по движениям, по всему, что так четко вырисовывало её образ. Только вот зачем она носит цепочку пропавшего человека? Вот это я понять не мог. Если она хоть как-то относилась к смерти Виталия, то зачем ей носить его подарок? Следовало спросить её об этом, так, ненавязчиво, деликатней.

Не получилось. Едва я затронул эту тему, как лицо её резко изменилось, и вместо прекрасной, свободной кошки, я получил точно такую же, но разъярённую. Хотя ответ я всё же получил, – оказывается некий городской мальчик всё же смог добиться её расположения, после чего куда-то пропал, оставив её одну с этим небольшим подарком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.